

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Эти хрупкие камни,
уцелевшие в
плавильном котле
истории, станут
свидетелями гибели
империй и
несокрушимой,
как алмаз, любви...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Фермуар последней фрейлины

Наталья Николаевна Александрова

Фермуар последней фрейлины

Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917510

Фермуар последней фрейлины : [роман] / Наталья Александрова: Э;

Москва; 2017

ISBN 978-5-699-98783-2

Аннотация

Все началось сто лет назад вместе с историей, которая потрясла мир. Император казнен, в стране переворот, лучшие фамилии, цвет нации, в спешке покидают Россию. Ей, фрейлине последней императрицы, не спасти гибнущую династию, но сохранить ожерелье, которое хранит тепло рук последних Романовых, она обязана. Кружным путем, через Турцию и Балканы, алмазный фермуар императрицы попадет в Европу, чтобы еще не раз защитить тех, кто нуждается в заботе и милосердии. И кто кого сейчас хранит – Настя, случайная наследница той самой фрейлины, эту алмазную диковину, или фермуар ее, запутавшуюся и наивную костюмершу петербургского театра?..

Наталья Александрова

Фермуар последней фрейлины

© Александрова Н.Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Настя вышла из маршрутки на углу Литейного и Пестеля и пошла к Пантелеймоновской церкви, подставив лицо весеннему солнцу и чуть заметно улыбаясь собственным мыслям. Любимое место, любимое время года. Весна вступила в свои права, прогрела иззябший за зиму город ласковыми лучами, внушила обитателям надежду и уступила место лету.

Немного не доходя до церкви, она свернула в домовую арку, перекрытую широкими коваными воротами. Ворота, как всегда, были открыты, и улыбка на Настином лице поблекла: двор у них хоть и аккуратный, но запросто можно нарваться на местную шпану. Лучший район города, «золотой треугольник», два шага до Летнего сада и Инженерного замка, а попадаются на редкость неприятные экземпляры. Как в Новом ковчеге – семь пар чистых, семь пар нечистых. И никогда не знаешь, с какой парой столкнешься.

Настя прибавила шаг, чтобы поскорее пересечь двор и дойти до своего подъезда. Но не успела. Навстречу из соседней подворотни выступили двое, один лучше другого – рыжий, с бесцветными наглыми глазами и болячкой на губе, и темный, с сальными волосами и подбитым глазом.

Вот уж точно пара нечистых.

– Девушка, – окликнул ее рыжий, – вы куда так спешите? Разговорчик к вам имеется!

– Некогда, меня муж ждет! – Настя постаралась не показать ни испуга, ни неприязни и попыталась обойти шпану по широкой дуге.

Но те были настроены серьезно. Темноволосый преградил ей дорогу, набычился, рыжий подскочил сбоку и снова зачистил:

– Куда вы, куда? Говорят же: разговор есть.

– А она с нами не хочет разговаривать. – Темноволосый налился злобой. – Мы не ее полета птицы. Она нас, Витася, мелко видит. Видишь же, Витася, она из этих, из богатеньких!

– Ребята, не надо! – Настя все еще пыталась спустить все на тормозах. – Какая я богатенькая? Говорю вам, как-нибудь в другой раз пообщаемся, а сейчас мне некогда...

Она быстро огляделась.

У них во дворе всегда кто-нибудь мелькал – или кто-то из соседей, или дворник, или сантехник. Но сейчас, когда это было так нужно, не было ни души.

– Некогда ей! – прошипел темноволосый и сплюнул под ноги. – Сейчас ты для нас найдешь время.

Он схватил Настину сумку, рванул на себя.

Сумку она выпустила – там не было ничего ценного. Кошелек и мобильный телефон она носила в карманах куртки, а сама сумка старая, потертая. Да никакая сумка на свете не стоит неприятностей, которые сулили налитые кровью глаза брюнета. В душе, однако, поднялась злость.

– Доволен? – Она пристально смотрела брюнету в глаза. – Взял сумку – теперь вали с дороги!

– Ишь как заговорила, – удивился тот. – Нет, шлюшка, ты от нас так легко не отделаешься! Мы с Витасиком с тобой разберемся по полной программе! Правда, Витась?

– Да не горячись, Геша, – отозвался сзади рыжий. – Она девушка умная, сейчас сама с нами задружится. – Рыжий обхватил ее сзади, и она даже сквозь одежду почувствовала, какие у него потные и грязные лапы.

– Отвянь, козел! – Слова были из чужого, не ее словаря. В следующую секунду она изо всех сил пнула рыжего по ноге.

Видно, попала хорошо, потому что он разжал руки и заохал от боли. Зато брюнет разъярился пуще прежнего и врезал Насте по лицу. Она вскрикнула и почувствовала, как из носа потекло горячее.

Теперь надежды на мирное урегулирование не осталось, нужно было защищаться всеми доступными способами. Настя выбросила вперед ногу, пытаясь попасть брюнету в са-

мое уязвимое место, но тот отскочил. Рыжий уже очухался и снова обхватил ее поперек туловища.

Брюнет, пыхтя и злобно сверкая глазами, навалился на нее и попытался сорвать куртку. Настя почувствовала на своем лице его дыхание – смесь чеснока, пивного перегара и мятной жвачки. Хотела заорать, но тошнота подступила к горлу. И как назло во дворе ни души!

Вдруг за спиной у бандита раздался удивительно знакомый голос:

– А ну, сволочи, отпустите девушку!

Брюнет развернулся, набычился, прошипел:

– Это кто у нас такой умный?

– Я! – Кулак голубоглазого блондина, описав красивую дугу, врезался в его скулу. Темноволосый покачулся, отступил, оглянулся на своего напарника. Рыжий на помощь не спешил. Он уже выпустил Настю и метнулся к воротам, успев бросить на ходу:

– Тикаем, Геша!

Геша пару секунд колебался, но Настин спаситель уже шел на него, размахивая кулаками. Рыжий пустился наутек.

– Настена, ты? – удивился блондин.

– Вот уж не думала, что буду тебе рада! – Настя шарила по карманам в поисках платка.

– На, возьми! – Блондин, он же бывший муж Сергей, протянул ей платок, и она приложила его к разбитому носу.

– Как ты? – Сергей подошел ближе.

– Сам видишь как, – огрызнулась Настя. – Лучше всех!

– Пойдем, я тебя хоть до квартиры провожу.

Она хотела снова огрызнуться, послать его подальше, но устыдилась. Все-таки он действительно спас ее от этих паразитов.

Где-то наверху стукнуло окно, и старушечий голос спросил:

– Девушка, что с вами случилось? На вас напали?

В голосе был такой жгучий интерес, что Настю передернуло.

– Не напали, просто она крысу увидела! – крикнул Сергей. – Крыс у вас просто пропасть, вон одна по стене ползет, прямо к вам!

Окно с треском захлопнулось. Сергей обхватил Настю за плечи и потащил к подъезду. В обнимку они поднялись на ее третий этаж. Там он взял у нее из рук ключи.

– Я сама, – слабо запротестовала Настя.

– Ладно уж, – отмахнулся он. – Лучше вон платок крепче прижми, а то всю куртку кровью заляпаешь.

Она прижала платок сильнее и чуть не вскрикнула от боли. Неужели эти подонки сломали ей нос? Что же это такое? Сто лет она ходит по этому двору, и никогда ничего не случилось. Посвистят подростки, крикнут вслед что-нибудь – и все. А здесь, можно сказать, среди бела дня... Напали, сумку вырвали, едва не изнасиловали – совсем эти двое не в себе были, что ли? Обкурились, наверное, какой-то дрянью. Лад-

но, что об этих уродах думать.

Она споткнулась на пороге: закружилась голова. Сергей крепко взял ее за локоть и втолкнул в прихожую. Настя плюхнулась на пуфик у двери и запрокинула голову, чтобы кровь не капала на пол и на одежду.

Сергей закрыл дверь и огляделся с любопытством.

– О, – сказал он, – ты обои переклеила, и тумбочка новая.

Настя вспомнила, как два года назад один из троих страшных мужчин, что приходили за деньгами, напоследок пнул тумбочку, на которой стоял телефон, и тот упал на пол и разбился. Тумбочка с проломленной дверцей больше ни на что не годилась, и Настя вынесла ее по частям на помойку.

– А ты чего сидишь? – спросил он по-деловому. – Тебе умыться нужно и холодное к носу приложить, а то распухнет – завтра себя в зеркале не узнаешь.

Здесь он прав. Настя хотела встать, но ноги не держали. Вешалка, тумбочка, тапки внезапно закрутились в хороводе. Она закрыла глаза и прислонилась головой к стене.

– Эй, ты жива? – Сергей встряхнул ее за плечи. Голова взорвалась болью, зато перестала кружиться, так что когда Настя с опаской открыла глаза, оказалось, что все вещи в прихожей стоят на своих местах.

Сергей между тем ловко расстегнул на ней куртку, помог подняться и подтолкнул к двери ванной.

– Дверь не закрывай, – сказал он, пуская холодную воду, – вдруг тебе плохо станет.

Настя поглядела на себя в зеркало. Если бы были силы, она бы сейчас заорала от страха. На нее смотрела жуткая рожа, какую не в каждом фильме ужасов увидишь. Волосы спутались, глаза из-за размазанной туши выглядят, как у очкового медведя. Тушь пополам с кровью стекает по щекам на шею. Несмотря на платок, кровь попала на блузку. Ладно, черт с ней.

Настя наклонилась над раковиной и принялась плескать в лицо холодной водой. Через пару минут в голове слегка прояснилось. Она вытерла лицо полотенцем. Кровь из носа шла, но меньше. Нос, если не задевать, болел вполне терпимо. В зеркало она решила не смотреть, чтобы не расстраиваться.

– Насть, ты как? – Сергей приоткрыл дверь.

– Нормально. – Она старалась говорить как можно тверже. – Сейчас выйду.

И правда, голова не кружилась, ноги не дрожали. Она добрела до кухни, всего пару раз опершись на стену.

Кажется, в холодильнике у нее был лед, и воды выпить не помешает. Однако от небольшого усилия, требовавшегося, чтобы открыть холодильник, в глазах снова потемнело, стены закачались и поплыли.

– Да погоди ты! – Сергей подхватил ее и усадил на стул. – Слушай, может у тебя сотрясение мозга?

Совсем близко она увидела его глаза и поняла, что он беспокоится искренне. Словами он мог играть, на словах он врал ей бесконечно. Но с глазами поделаться ничего было нель-

зя – по глазам она всегда видела, когда он врет. Не сразу, конечно, со временем научилась.

Сейчас он не врал, сейчас он в самом деле за нее волновался. Настя поглядела на стену, где висела тарелка, которую они привезли когда-то из Турции. Тарелка вела себя прилично – не двоилась, не троилась, не крутилась в безумном танце. Закрыла левый глаз и снова посмотрела на тарелку. Потом то же проделала с правым.

– Нет у меня никакого сотрясения, – с облегчением вздохнула она, – не стоит так переживать.

– Как это? – он возмутился. – На тебя напали, едва не...

– Да ничего бы они не сделали, попугали только. – Насте хотелось, чтобы голос звучал как можно естественней. – Так что спасибо тебе, конечно, что этому подонку врезал, но...

– Подожди-ка! – Он уже достал из морозильника лед и положил в пакет, который хозяйской рукой нашарил в ящике кухонного стола. Пакет со льдом он завернул в полотенце и подал ей, чтобы приложила к носу.

– Держи подольше, а то завтра нос будет, как мяч.

«Сама знаю», – подумала Настя, но вслух ничего не сказала. Все-таки он спас ее от этих отморожков, здорово помог.

Она прижала холодный сверток к носу. Поначалу было так больно, что выступили слезы, и Настя закрыла глаза, чтобы Сергей их не увидел. Еще начнет жалеть, а ей этого совсем не хотелось. Ей хотелось выпить горячего сладкого чая и лечь в мягкую постель. Можно еще таблетку от боли, и тогда про-

спать до утра. А утром уже сокрушаться по поводу носа и истрепанных нервов.

Но если она сейчас покажет слабость, Сергей ни за что не уйдет. Будет суетиться возле нее, охать, принесет чай в постель, станет искать лекарство. Еще придумает, что ей нельзя быть одной, – вдруг кровь не остановится или совсем плохо станет, попросится ночевать... Ей ли не знать, каким он может быть убедительным.

А у нее нет сил с ним спорить. Это сейчас она еще кое-как держится на адреналине, а через какое-то время совсем расклеится.

Настя пошевелилась и переложила пакет со льдом в левую руку. Правой она залезла под воротник блузки и нащупала под ключицей еле заметный шрам. Теперь это была тонкая ниточка, которую скоро нельзя будет заметить. Но пока нащупать можно. Шрам зачесался – именно этого она и добивалась.

Перед глазами тут же встала картина: один из троих страшных мужчин, самый молодой, с совершенно белыми пустыми глазами, держит нож у ее шеи. Он вдавливая его неторопливо, но сильно. Другой в это время говорит, что еще немного, и нож перережет сонную артерию. Тогда Настю уже ничто не спасет – она истечет кровью за несколько минут.

Боли она тогда не чувствовала, просто ужас. Если бы этот тип не убрал нож, она бы, наверное, от ужаса умерла.

Но он убрал, потому что Сергей – избитый, с выкаченными

ми безумными глазами – сунул главному все деньги, которые были отложены на черный день и на отпуск. И еще прабабушкины серьги с изумрудами. Серьги были старинные, замечательной работы, но хрупкие.

Серьги были единственной семейной драгоценностью, передавались в их семье от матери к дочери. Настя и не носила их никогда, потому что замочки ослабли и камни сидели неплотно. Больше в доме не было никаких драгоценностей, кроме Настиного обручального кольца. От него главный бандит пренебрежительно отмахнулся.

Сергей тогда еще что-то говорил, просил, обещал, умолял. Настя не слышала: увидела, как течет ее кровь, и упала в обморок. А когда очнулась, в квартире никого уже не было, кроме Сергея. Он сказал, что крови больше нет, там только царапина, она быстро заживет, так что даже в травмпункт идти не стоит, потому что там поинтересуются, откуда рана. А им сейчас лишнее внимание ни к чему.

Он был такой организованный – мигом привел в порядок разгромленную квартиру, перенес Настю в спальню, принес ей чай. И говорил, говорил... Говорил, что все теперь у них будет по-другому, все будет хорошо, что он с деньгами решит обязательно, что она может на него положиться. Что, когда он увидел, как бандит поднес к ее шее нож, в душе его все перевернулось, и он понял, что, если с Настей, его женой, что-нибудь случится, он не сможет больше жить.

Он так много говорил, что слова его слились в один по-

ток, из которого изредка выскакивало «обещаю», «никогда», «стал другим человеком».

Настя никак не реагировала. После всего случившегося она обмякла, было ощущение, что из нее вытащили все кости и осталась только оболочка.

Наконец она уснула. Проснулась рано утром, когда было еще темно. Сергей рядом крепко спал. С чего, интересно, он взял, что стал другим человеком? Абсолютно такой же, ничуть не изменился. Зато она изменилась.

В ванной она рассмотрела засохшую корку на месте царапины. Все-таки шрам останется. И не только на шее, но и в душе.

Сергей подошел, неслышно ступая босыми ногами, и осторожно обнял ее сзади.

– Обещаю тебе, что больше они не войдут в эту квартиру никогда, – сказал он.

«Это уж точно», – подумала Настя, но опустила глаза, чтобы он ни о чем не догадался.

Потом он ушел, а она позвонила на работу, сказала, что плохо себя чувствует и сегодня не придет. Заняла у соседки Зои Васильевны денег на новый замок, вызвала мастера, которому пришлось заплатить за срочность. Пока мастер работал, она собирала вещи мужа. Мужа, который в ближайшее время перестанет быть им.

Набралось два чемодана. Она оставила их у Зои Васильевны в прихожей и позвонила ему на мобильный. Он ответил

сразу, не стал ждать вопросов и доложил, что предпринимает все, чтобы достать денег. Он все время повторял: «мы», «с нами», «для нас», так что Настя не выдержала.

– Нет никаких нас, – сказала она твердо. – Теперь ты один, можешь делать, что хочешь. Я подаю на развод. В моей квартире ты больше не живешь.

Квартира и правда была ее, точнее, их с мамой. Незадолго до ее замужества мама встретила в книжном магазине одного симпатичного бельгийца и вышла за него замуж. Перед отъездом в Брюссель она строго-настрого наказала дочери никого не прописывать в квартиру – потом, мол, не избавиться будет. И вообще, говорила мама, хорошо бы ей выбрать парня из нашего города. Здесь хоть можно посмотреть на его семью и понять, что люди из себя представляют. О некоторых сразу понятно, что связывать жизнь с такой семейкой не стоит.

У Сергея была квартира. Трехкомнатная, доставшаяся им с сестрой после смерти родителей. Но семья сестры состояла из пяти человек – она с мужем и трое детей, Сергею там места не было. Сестра отнеслась к Насте хорошо, особенно после того как узнала, что у нее есть собственное жилье. И все было прекрасно, они прожили два года, а потом...

Настя снова потрогала шрам на шее. Это придало ей сил.
– Послушай, – сказала она твердо и даже приподнялась со стула, – я тебе очень благодарна за помощь, но сейчас тебе

лучше уйти. Со мной ничего не случится. Я приму обезболивающее и лягу спать.

– Хорошо! – Он согласился неожиданно быстро, а она-то думала, что с ним придется долго пререкаться. – Но я могу тебе позвонить завтра?

– Разумеется, – она кивнула на телефонный аппарат на тумбочке, – номер у меня тот же.

Два года назад она занесла его в черный список в сотовом, а к обычному телефону вообще не подходила. Так продолжалось месяца два, потом он перестал звонить.

– Ты не ходи, я сам дверь захлопну! – Он наклонился и чмокнул ее куда-то в висок. – Не ходи одна по двору, раз у вас здесь такое безобразие и черт знает кто шляется.

Она нашла в себе силы встать и проводить его до входной двери. Не потому, что хотела проявить внимание, просто нужно было убедиться, что он действительно ушел и дверь заперта на все замки.

Это последнее усилие потребовало от нее слишком многого. Хотелось рухнуть прямо на коврик у двери и лежать хоть до утра. Настя призвала себя к порядку и с трудом, но дотащилась до кровати. И упала, не раздеваясь.

Сергей вышел из подъезда и пошел через двор. Не доходя до ворот, он замедлил шаг и огляделся. Из подворотни появились двое – рыжий, с наглыми глазами и болячкой на губе, и темный, с сальными волосами и подбитым глазом. На

скуле у брюнета наливался второй, совсем свежий синяк.

– Куда так спешишь, Серый? – процедил рыжий. – Не забыл, что с нами нужно рассчитаться?

– Не забыл, не забыл! – Сергей полез в карман и достал пару мятых бумажек.

– Э, нет, – заворчал второй. – Мало!

– Что значит мало? – окрысился Сергей. – Как договаривались. Хорошо выделяваться!

– Мало, значит, мало! – не унимался брюнет. – Ты мне морду разбил в натуре! За это должен заплатить!

– Вот как? – Сергей сверкнул глазами. – Ты ей вообще чуть нос не сломал! Так вдарил, что у нее, может, сотрясение мозга или еще что похуже. Мы так не договаривались! Я вам велел ее только припугнуть, но не бить!

– Велел – не велел, – ворчал брюнет. – Она напрашивалась! Та еще сучка, ты же сам говорил.

– Мало ли что я говорил. Это наши с ней дела, они вас не касаются. Я вас нанял, только чтобы припугнуть.

– Вот мы и припугнули! А только ты мне должен за этот, как его, блин...

– Моральный ущерб! – подсказал приятелю Рыжий.

– Во-во, за аморальный ущерб! Так что гони еще штуку.

– И не подумаю, – ухмыльнулся Сергей. – Берите, что дают. Недовольны – обращайтесь в прокуратуру!

– Мы обратимся, – елейным голосом протянул рыжий. – Мы, это, непременно обратимся. Только не в прокуратуру.

Это слишком далеко. Мы к ней обратимся, к бабе твоей. Мы ей все о тебе расскажем. Как ты нас подрядил, чтобы на нее напасть в подворотне. Сколько нам за это заплатил...

– Она не поверит. – В голосе Сергея не было уверенности.

– А мы все-таки попробуем! – Рыжий усмехнулся, маленькие глазки злобно сверкнули. – Попробуем и поглядим, кому она скорее поверит – тебе или нам. Особенно если мы ей расскажем, что тебя неделю назад искали люди Николая Николаевича. И нашли, они всегда находят.

– Откуда... откуда вы знаете? – Сергей побледнел, точнее, посерел, на виске забились синяя жилка.

– А о нем все знают! – Противно ухмыльнулся рыжий Витася. – Не каждый с ним лично знаком, не всем так везет, как тебе, но знают о нем все. Так что не выделяйся, плати еще по штуке – и расходимся, у нас дел полно.

– Вот и вот, – Сергей вынул две пятисотки, – больше у меня нет, так что берите, что есть, и валите отсюда. А то как бы не приметили вас местные. Тут в соседнем дворе Вован наркотой торгует, так ему ни к чему, чтобы полиция двором интересовалась.

Насчет Вована Сергей соврал – был такой парень, но Сергей понятия не имел, чем тот занимается. Тем более два года прошло, может, Вован вообще давно съехал. Или в тюрьму сел. Но на этих недоумков его вранье подействовало, они молча забрали деньги и испарились.

Сергей вздохнул и побрел на улицу. Возле калитки столк-

нулся он с какой-то старухой.

– Здравствуй, Сережа, – сказала она, и он узнал Настину соседку Зою Васильевну из квартиры напротив.

– Здравствуйте, – буркнул он, кляня в душе свою невестуху – надо же было так вляпаться! Интересно, видела она его в компании тех двоих или не заметила? Может, не обратила внимания? Да нет, старуха не в маразме, все замечает.

Сергей вспомнил, как два года назад, после Настинного звонка, он примчался и долго звонил в дверь, потому что замок эта стерва уже успела поменять.

Ишь, разбежалась, оперативно сработала! То пуговицу неделю просишь пришить, а то не успел муж уйти – так она замки сменила! Он был вне себя от злости – подумать только, мало ему своих неприятностей, так еще и жена из дома выгнала! Нашла, понимаешь, время выкобениваться, права качать, отношения выяснять! У него земля под ногами горит, а она...

В гневе он уже забыл о том, как бледная до синевы Настя с ужасом смотрела на нож в руках Васи Беленького. Кличку свою Вася получил за свои светлые глаза, которые, как только Вася доставал нож, становились совершенно белыми.

Говорили, что Вася уже порезал множество людей и давно уготовлено ему место в психушке, у него и справка даже есть, но как-то умудрялся он ходить на свободе. И вид его белых глаз пугал его жертв больше, чем нож в руке. И Настя от ужаса едва не потеряла сознание. Но Сергей же спас ее,

оговорил этих троих дать ему отсрочку! А она... От злости он бухнул в дверь ногой.

Тут открылась дверь квартиры напротив, и соседка Зоя Васильевна поманила его молча.

В прихожей она показала ему на два чемодана и сказала, чтобы шел быстрее отсюда, потому как шум непременно привлечет соседей и кто-нибудь вызовет полицию, а ему, Сергею, насколько она понимает, это сейчас ни к чему.

Сергей подавил готовые сорваться с языка ругательства, взял вещи и ушел. Как-то сумела эта старая ведьма его убедить. И ведь не орала, не ругалась, говорила спокойно, даже тихо, а руки сами взяли чемоданы, и ноги сами пошли из этого дома прочь.

С тех пор прошло два года, он не возвращался сюда никогда. Первое время звонил по телефону, пытался с женой как-то договориться, потому как жить было негде. Разумеется, сестра его жить в общую их квартиру не пустила. Даже переночевать не позволила.

Тебя, говорила, пусти, так потом не выгнать будет. Зять смотрел волком, племянники тоже круговую оборону заняли. Сестра в пылу разговора и обмолвилась, что знает о нем все, знает, за что жена его из дома выгнала.

Уж не Настька ли ей позвонила? Нет, оказывается, видел его кто-то в том подвале, где он время проводил и все деньги оставлял. Кто-то из дальних знакомых узнал, кому-то сказал – слухи очень быстро разносятся, говорят же, что Петер-

бург – город маленький. Так что сестра очень была настроена против него. У меня, говорила, дети, а ты, такой-сякой, хочешь их без жилья оставить? Доля-то от этой квартиры твоя по закону...

Что-то он тогда сестре сказал в сердцах, зять драться полез, еле-еле их разняли. А у него положение аховое, денег нужно было достать за три дня во что бы то ни стало.

Тогда сестра и говорит, что выплатит ему его долю за квартиру, только чтобы он отказ подписал от всех претензий. И деньги предложила смешные, раз в пять меньше, чем на самом деле доля стоит. Больше, говорит, у нас нет – сам видишь, семья большая, детей трое.

И ведь стояла насмерть, ни рубля не прибавила, зараза, а еще сестра родная! Пришлось по ее правилам играть, а как отдала ему деньги, так и сказала, чтобы духу его не было поблизости от ее дома. И не звонил чтобы. Не хочу, говорит, детьми рисковать, как будто он бандит последний, маньяк серийный какой-то...

Он тогда долги отдал, квартиру снял, работу поменял. Вроде наладилось все, а потом не смог удержаться, снова в тот подвальчик пошел. И все деньги просадил.

Эти мысли вихрем пронеслись в его голове, и Сергей пришел в себя. Ему сейчас не о прошлом нужно думать, а о настоящем, потому что если он не выполнит то, что ему велено, то будущего у него не будет. Это он точно знает.

– Здравствуйте, Зоя Васильевна! – повторил он и улыб-

нулся, как он думал, приветливо и обаятельно. – Рад вас видеть! По-прежнему бодр и здоровы!

– Скриплю потихоньку, – спокойно ответила старуха и прошла мимо, не задерживаясь.

Не стала спрашивать, какими судьбами он здесь, зачем приходил к Насте. Старуха не то чтобы нелюбопытна, но неглупа, прямо никогда не спросит. Он был уверен, что и к Насте она тут же не побежит с вопросом, не намерена ли она с бывшим мужем помириться. Ну и ладно. Ему до этого дела нет.

Сергей выбросил старуху из головы и сосредоточился на том, что случилось с ним неделю назад.

За неделю до этого дня он медленно шел по улице, хмуро глядя под ноги.

В городе стоял чудесный солнечный день, навстречу Сергею то и дело попадались хорошенькие девушки – но ему было не до них. У него были проблемы, очень серьезные проблемы, и он не представлял, как из них выпутаться.

Он уже подходил к своему дому – точнее, к дому, где он нашел временное пристанище, – когда рядом притормозила темно-синяя машина.

В ту же секунду сработали его рефлексы. Сергей пригнулся, метнулся в сторону от машины и испуганным зайцем пропустил прочь, к знакомой подворотне. Железная калитка была не заперта, он толкнул ее, проскользнул внутрь и хотел

уже закрыть калитку за собой – как вдруг на его плечо легла тяжелая рука.

– Куда спешишь, Серый? – прозвучал до боли знакомый голос.

Сергей обернулся – и увидел круглую улыбающуюся физиономию Феди Паука, правой руки Николая Николаевича.

Рефлексы Сергея снова сработали быстрее мозгов. Он метнулся в сторону, пригнулся, попытался проскользнуть между Пауком и кирпичной стеной...

Но не успел. Тяжеленный кулак Паука пришел в соприкосновение с его физиономией, и Сергей отключился.

Правда, он довольно скоро пришел в себя – но обнаружил, что находится не в знакомой подворотне, а в еще более знакомом месте – в кабинете Николая Николаевича.

Сам босс сидел за широким письменным столом и с задумчивым видом тасовал колоду карт.

Сергей иногда задумывался, зачем Николаю Николаевичу письменный стол – никто никогда не видел, чтобы на этом столе лежал какой-нибудь листок бумаги, или книга, или стоял компьютер. Стол босса всегда был девственно чист. Зачем он тогда нужен? Просто для солидности? У всех боссов в кабинете есть письменный стол – значит, и у него тоже должен быть?

Хотя... ведь он иногда должен подписывать хоть какие-нибудь документы? Ведь у него наверняка есть недвижимость, собственность, имущество...

Сергей отмахнулся от этих посторонних мыслей и попытался сосредоточиться на собственном положении.

Оно было безрадостным.

Он полусидел на стуле перед огромным письменным столом, а за спиной у него раздавалось шумное дыхание. Как будто там пыхтел рассерженный слон.

Однако это был не слон. Это был Федя Паук, а это куда хуже слона или любого другого животного.

– Ну что, очухался? – проговорил Николай Николаевич, сложив колоду. – Нам с тобой давно нужно поговорить.

Сергей промолчал. Собственно, пока его участие в разговоре не подразумевалось.

– Ты помнишь, сколько мне должен? – лениво протянул Николай Николаевич.

Вот теперь от Сергея требовался ответ. Быстрый и точный. Однако он молчал.

Сергей молчал не потому, что не знал ответа. Он его знал даже слишком хорошо. Если бы его разбудили посреди ночи и спросили, сколько он должен Николаю Николаевичу, – он тут же ответил бы, не задумавшись ни на секунду. Этот долг был его кошмаром.

Но ответить сейчас – значило ускорить расплату. Расплату, которая и так была неизбежна.

– Не отвечаешь? – грустно проговорил Николай Николаевич. – Не помнишь, что ли? Надо же! Вроде бы молодой человек, а такая плохая память! Ты бы витамины, что ли, по-

пил... я вон куда старше тебя, а на память не жалуюсь.

— Босс, я могу ему напомнить! — раздался за спиной Сергея мечтательный голос Паука.

— А ты, Федя, лучше помолчи! — прикрикнул на него Николай Николаевич. — Вон как ты его разукрасил! Тебе это велели, а? Сколько раз тебе говорил...

— Нет, но он хотел сбежать...

— Сбежа-ать! — передразнил громилу Николай Николаевич. — Никогда не делай того, чего тебе не велели! Это ясно?

— Я-асно... — протянул Паук.

— Хорошо, что ясно! — И Николай Николаевич снова обратился к Сергею: — А вот я ничего не забываю. Особенно — кто и сколько мне должен. Вот ты мне должен двенадцать тысяч восемьсот. Евро.

Кто-то сказал, что любовь — это зубная боль в сердце.

Сергей с этим не был согласен. На любовь ему было наплевать, а вот этот долг, эта сумасшедшая, по его меркам, цифра была настоящей зубной болью в его сердце. В его сердце острой болью отдавался каждый евро из этих двенадцати тысяч восьмисот.

Самое же ужасное — с каждым днем эта сумма росла, росла, как снежный ком, и у него не было никаких шансов рассчитаться с Николаем Николаевичем.

То есть... иногда у Сергея возникала смутная надежда, что он может рассчитаться единственным доступным ему способом — занять еще денег и отыгаться.

Но это всегда кончалось одинаково: он занимал деньги, проигрывал их, и долг снова увеличивался...

— И что же мне с тобой делать? — лениво протянул Николай Николаевич.

— Дайте мне еще один шанс... — отозвался Сергей слабым, безнадежным голосом. — Дайте мне еще только один шанс... только один, самый последний...

— Шанс? — босс тяжело вздохнул. — Да сколько можно? Я давал тебе шанс сто, двести раз — и каждый раз ты говорил, что уж это — самый последний, что на этот раз все кончится, ты рассчитаешься со мной и скроешься с моих глаз... но это никогда не кончится! Горбатого только могила исправит!

— Еще раз... самый последний раз... — взмолился Сергей — и почувствовал, что голос его звучит так жалко, так фальшиво, что он и сам бы себе не поверил.

— Еще раз? — переспросил Николай Николаевич, и вдруг Сергей уловил в его голосе смутную надежду.

— Да, еще один, самый последний раз!

— Ну что ж... но только это на самом деле будет последний.

— Да, да, самый последний... — повторил Сергей, не веря неожиданной удаче.

Неужели ему снова повезло? Неужели он попал в удачный день, и Николай Николаевич снова даст ему денег?

Краем сознания Сергей уловил что-то странное в голосе босса — но не придал этому значения. Сейчас ничто не име-

ло значения, кроме того, что у него опять будут деньги, и он опять, еще раз сможет ощутить божественное волнение игры.

Для него давно уже не важно было отдать проклятый долг, давно не важно было вернуться к нормальной жизни. Важно было только одно – игра...

– Да-да, последний, самый последний раз! – повторил он, и глаза его загорелись. – Дайте мне всего тысячу... всего только тысячу евро – и я завтра же отдам вам все!

– Что? – Николай Николаевич взглянул на него удивленно. – Ты снова хочешь денег? Нет, об этом не может быть и речи! Денег я тебе больше не дам, и не проси!

– Как? – Сергей почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. – Как? Вы же сказали, что дадите мне еще один шанс!

– Я обещал дать тебе последний шанс, самый последний шанс, но не обещал тебе денег!

– Как же так? – Сергей ничего не понимал. Какой же еще может быть шанс, если не деньги, чтобы отыгаться?

– Очень просто, – Николай Николаевич криво усмехнулся. – Мы с тобой сыграем. Сыграем в «двадцать одно». Ты же любишь играть в «двадцать одно»?

– Да... – протянул Сергей, не зная еще, что его ожидает. Он об этом не хотел и думать.

– Ну и отлично. Мы сыграем один раз – только один раз! Я ставлю на кон весь твой проигрыш. Если ты выиграешь –

ты мне больше ничего не должен.

– А если я проиграю? Вы ведь знаете – мне нечего поставить!

– Действительно! – босс снова криво усмехнулся. – У тебя ведь и правда ничего нет! Как же нам поступить?

Он потянул мучительную паузу. Сердце Сергея билось на пределе возможностей, готовое разорваться. Он не знал, что его ждет, но подозревал, что ничего хорошего. С другой стороны, он получит еще один шанс отыгаться, а самое главное – он еще раз испытает божественное чувство игры...

– Вот как мы поступим! – проговорил наконец Николай Николаевич. – Ты поставишь на кон самого себя.

– Как это? – растерянно переспросил Сергей. – Что значит – самого себя?

– А вот как. Нашелся человек, которому ты зачем-то нужен. Зачем? Понятия не имею, да, в конце концов, это не мое дело. Он готов за тебя заплатить, а что он после этого будет с тобой делать – не моя забота. Пусть хоть съест. Так вот, если ты проиграешь – я отдам тебя тому человеку. Согласен?

Сергей почувствовал, как сердце замирает и проваливается в самый низ живота.

– Со... согласен! – пролепетал он слабым голосом. А что еще ему оставалось?

Пусть будет, что будет! Так даже лучше. Поставить на кон последнее, что у него осталось – саму жизнь, и еще раз, последний раз испытать божественное чувство игры... ни с чем

не сравнимой игры, когда от карты зависит все...

– Ну, поехали! – Николай Николаевич достал из ящика стола новую колоду, распечатал ее, тщательно перемешал, дал Сергею снять, снова перемешал.

Николай Николаевич взял верхнюю карту. Лицо его ничего не выражало. Что у него за карта? Знать бы...

Сергей в свою очередь взял верхнюю карту.

Девятка.

Хорошая карта...

– Продолжаем?

– Непременно...

Николай Николаевич снова перетасовал колоду, взял еще одну карту. Лицо его оставалось невозмутимым.

Сергей дрожащей рукой взял следующую карту, взглянул на нее, холодея от волнения...

Шестерка. Итого пятнадцать...

– Продолжаем?

Сергей закусил губу.

Знать бы, какие карты у босса... нет, пятнадцать – это мало, нужно взять еще одну карту, обязательно взять...

А если перебор?

Нет, не может быть! Судьба не может обойтись с ним так жестоко! Ему должно повезти!

– Продолжаем!

Николай Николаевич снова перетасовал карты, взял верхнюю. На его лице не дрогнул ни один мускул. Сергей протя-

нул руку, взял карту – и застонал.

Семерка! Перебор!

Оставался последний шанс – что босс тоже перебрал.

Николай Николаевич, ничего не говоря, открыл карты.

Сергей посмотрел на них...

Шестерка, дама, туз.

Двадцать очков...

Сергей застонал.

– Дайте мне еще один шанс! – взмолился он. – Еще один, самый последний!..

– Умей проигрывать! – поучающим тоном проговорил босс. – О чем ты говоришь? Тебе больше нечего поставить, совсем нечего. Ты проиграл самого себя.

Он протянул руку к кнопке, которую Сергей раньше не замечал, нажал на нее. Дверь за спиной Сергея с негромким скрипом открылась, раздались тяжелые шаги.

– Он ваш, – проговорил Николай Николаевич равнодушно. – Можете его забирать.

Сергей в страхе обернулся.

За его спиной стояли два совершенно одинаковых человека – рослые, толстые, здоровенные, до самых глаз заросшие густыми черными бородами, с длинными, чуть не до колен, волосатыми руками. Просто два орангутанга.

Сергей вжался в стул, вцепился в него, зубы его застучали от страха. Орангутанги не обратили на это никакого внимания, они выдернули Сергея из стула, как спелую морковь.

из грядки, и легко поволокли к выходу из кабинета.

И тут благодетельная природа смиростивилась над Сергеем – он просто потерял сознание.

Когда Сергей пришел в себя, он какое-то время не мог вспомнить, что с ним произошло, и еще дольше не мог понять, где он находится. Да он не мог толком вспомнить даже, кто он такой.

Он сидел в кресле посреди какого-то огромного помещения, заставленного ажурными металлическими стеллажами, на которых стояли бесчисленные горшки с растениями. Помещение было ярко освещено – сверху были застекленные рамы потолка, кроме того, имелись еще многочисленные лампы дневного света. Сергей понял, что находится в оранжерее.

Несмотря на яркое освещение, растения в этой оранжерее по большей части были какие-то невзрачные, блеклые и непривлекательные. Хотя некоторые из них цвели, но и цветы эти были чахлые и бледные, как дети подземелья.

Придя в себя, Сергей попытался встать, и только тогда понял, что он привязан к креслу за руки и за ноги и не может не только встать, но даже пошевелиться.

И тут он услышал негромкий скрип колес.

Скрип этот становился громче и отчетливее, он определенно приближался, причем приближался сзади, из той части оранжереи, которую Сергей не мог видеть. Теперь Сер-

гей расслышал, что кроме скрипа колес к нему приближаются шаги. Но шаги слишком мягкие и пружинистые для человека.

Наконец звук приблизился, и сбоку от Сергея появилось хромированное инвалидное кресло на колесах, в котором сидел маленький, тщедушный человек неопределенного возраста, с бледным болезненным лицом и удивительно тонкими руками и ногами. Только глаза у него были яркими и выразительными. Большие, коричневые, как старый янтарь, казалось, они жили на бледном лице этого человека своей отдельной, самостоятельной жизнью.

Однако в поле зрения Сергея появился не только маленький человек в инвалидном кресле. Вместе с ним возникли две собаки, два огромных, угольно-черных добермана шли рядом с креслом, сопровождая его, как почетный караул.

Человек в кресле объехал Сергея по плавной дуге и остановился напротив него. Коричневые глаза внимательно и, казалось, доброжелательно разглядывали Сергея.

– Кто вы? – спросил Сергей, когда молчание затянулось. – Где я? Почему я связан?

– Как много вопросов! – протянул человек в инвалидном кресле удивительно молодым для его возраста голосом. – Чересчур много вопросов... Впрочем, на один из них я могу сразу же ответить. Вы находитесь в моей оранжерее. Это не простая оранжерея, насколько я знаю, такой нет больше нигде в мире. Даже в знаменитом Лондонском ботаническом

саду.

– Почему я здесь?

– Слишком много вопросов! – инвалид презрительно поморщился, потом подъехал вплотную к одному из металлических стеллажей, достал из кармана на своем кресле пластиковый полупрозрачный контейнер, взял в руку тускло сверкнувший пинцет и осторожно достал из контейнера что-то маленькое и черное.

Приглядевшись, Сергей разглядел обычную муху. Муха была живая, но полусонная, она вяло трепетала крылышками, безуспешно пытаясь вырваться на свободу.

Инвалид осторожно поднес муху к одному из растений – с белесыми листьями и бледно-розовым колокольчиком цветка. Муха затрепетала чуть сильнее, как будто была напугана.

Инвалид опустил ее в цветок – и тот тотчас закрылся, опустив на колокольчик розовую крышечку. Внутри цветка что-то затрепетало, но ненадолго.

– Не правда ли, прелестное создание? – проворковал инвалид, не сводя восхищенных глаз с хищного цветка. – Сейчас он парализует муху, а затем растворит ее своим соком и выпьет из мухи все питательные вещества. Дело в том, что этот цветок растет на очень бедных болотистых почвах, ему не хватает питательных веществ, и он добывает их при помощи такой охоты.

Инвалид обвел оранжерею широким плавным жестом тонкой руки и проговорил с детской гордостью:

– Я собрал самую большую в мире коллекцию хищных растений. Здесь есть некоторые совершенно уникальные экземпляры, найденные в долине Амазонки или в джунглях Конго. За некоторые из этих растений заплачена очень высокая цена – цена человеческой жизни. Впрочем, я думаю, что растения того стоят...

– Для чего вы мне это рассказываете? – спросил Сергей, удивленно глядя на своего собеседника.

– Разве вам не интересно? – в голосе инвалида прозвучала несомненная обида. Он посмотрел на Сергея, как ребенок, которому не дали конфету.

Внезапно Сергей понял, почему этот человек собирает в своей оранжерее хищные растения. Он сам похож на них – бледный, болезненный, с тонкими паучьими руками и ногами, но при этом коварный и смертельно опасный...

– И все же, почему я здесь и почему я связан?

– Почему вы связаны? Но это же очевидно! Я же не связываю эти растения, потому что они не могут и не хотят убегать или совершать какие-нибудь глупые поступки. А от вас можно ожидать чего угодно. А я не хочу рисковать своей собственностью...

– Собственностью? – удивленно переспросил Сергей. – Вы хотите сказать, что я...

– Ну, разумеется! – не дал ему договорить инвалид. – Разумеется, вы моя собственность! Ведь я вас купил, и купил довольно дорого. Николай Николаевич такой жмот! За такую

цену я мог бы приобрести два или три редких растения...

И тут Сергей все понял.

Он вспомнил свою последнюю игру с Николаем Николаевичем, вспомнил, какую ставку поставил в этой игре...

Итак, он проиграл самого себя этому тщедушному и смертельно опасному человеку, этому хищному растению, прячущемуся от мира в своей оранжерее...

– Зачем я вам нужен? – спросил он инвалида звенящим от волнения голосом. – Вы хотите скормить меня своим гераням? Этим своим хищным растениям?

– О, вы уже шутите! – губы инвалида сложились в некое подобие улыбки. – Это хорошо! Это большой шаг вперед! Это значит, что вы готовы к сотрудничеству! Но надеюсь, что вы понимаете – кормить вами мои растения совершенно не выгодно, вы мне слишком дорого обошлись! Мухи куда дешевле...

– Так зачем я вам нужен? Для каких-нибудь изуверских экспериментов?

– Ну, что вы! За кого вы меня принимаете? За какого-нибудь сумасшедшего садиста?

Сергей не сказал, что именно так он и подумал.

– Так все же зачем?

– Меня, собственно говоря, интересует не вы. Меня интересует ваша жена... ваша бывшая жена.

– Анастасия? – Сергей не смог скрыть свое удивление. Кому могла понадобиться эта серая мышка?

Точнее, за эти два последних года он привык называть так свою бывшую жену. Так ему было проще – считать ее невидной, тихой, заурядной, некрасивой и неуспешной. Никого не интересующей, бесцветной, как белесая моль...

Раньше он тоже считал ее заурядной и глуповатой. Внешне ничего особенного, но не уродина, конечно, тихая такая, молчаливая, скандалов не устраивает, не пилит, денег много не требует.

Она ему понравилась поначалу, опять же квартира своя, он и женился. И не жалел, в общем, об этом шаге, с Настюхой можно было ладить. С ней было просто.

По крайней мере, поначалу. Если в чем-нибудь провинился, как в первый раз с игрой, всегда можно было ее убедить, заболтать, засыпать словами, прощения попросить, сказать, как он ее любит и, ради нее готов на все. В общем, все такое прочее.

Она слишком легко согласилась простить его в первый раз, когда он проиграл машину. Он тогда и правда хотел завязать, порвать с игрой навсегда. Ведь она смотрела на него такими глазами, в которых отражалась такая боль...

Он продержался несколько месяцев, окунулся в работу, даже начал откладывать деньги на новую машину. А потом снова все проиграл. Хорошо, что не сказал Насте насчет отложенных денег, хотел сделать сюрприз на день рождения. Она утром проснется, поглядит в окно – а там машина стоит.

И вот все проиграл, и о ее дне рождения забыл, даже букет

не принес.

Конечно, она все поняла, только он догадался об этом слишком поздно. Он-то пока затих, призял денег по мелочи, рассчитался с неотложными долгами, а там все пошло по-прежнему. Чтобы усыпить бдительность жены, он даже стал заговаривать о ребенке. Она несколько оживилась, и он успокоился.

А через некоторое время снова сорвался. И понял, что это навсегда, что не может он с собой совладать, что игра – это единственное, что его волнует. А на все остальное ему плевать.

И он ходил и ходил играть, пока долг его не вырос до огромных размеров и не пришли к нему домой те трое бандитов, присланных Николаем Николаевичем.

Они избили его еще в прихожей, избили несильно, так что он смог встать и увидеть, как в комнате Вася Беленький приставил нож к горлу его жены.

Где-то в глубине души Сергей понимал, что убивать ее они не станут, им нужно запугать его, Сергея, но с другой стороны, этот псих с белыми глазами сможет и сорваться с катушек. И что тогда делать? Они-то, конечно, отмажутся, а он...

И он испугался по-настоящему, отдал им все деньги, что были в доме, а потом привел Настю в сознание. Он испытывал огромное облегчение, что эти люди ушли. Раз они дали ему отсрочку, они не станут его убивать. По крайней мере,

пока.

Он думал, что успокоить жену, уболтать ее будет легко, как в прошлый раз. Но эта стерва выгнала его из дома, за полдня все провернула. Получается, что есть у нее и решимость и характер. Но об этом Сергей предпочел не думать, он вообще забыл о бывшей жене. Не до того ему было.

– Так зачем она вам? – повторил он вопрос.

– Это тебя не касается, – тщедушный человек в кресле нахмурился и слегка повысил голос.

И тотчас один из доберманов тихонько рыкнул и обнажил внушительные клыки. Сергей вздрогнул и ощутил, как веревки впились в тело. Стоит этому типу только приказать, как эти зверюги растерзают его на части...

– Не бойся, – усмехнулся его собеседник, – до этого дело не дойдет, если не будешь задавать глупых вопросов. Я ведь за тебя приличные деньги заплатил, хоть ты их и не стоишь. Итак, что тебе известно о твоей бывшей жене?

– Ну-у... мы с ней не общаемся, но через общих знакомых я кое-что... живет она в той же квартире, замуж не вышла, вроде бы никого у нее нет сейчас...

– Пустое все, – поморщился человек в инвалидном кресле, – вот что ты знаешь о ее семье?

– О семье? – удивился Сергей. – Да нет у нее никого, мать за границей жила, в Бельгии, кажется, со вторым мужем, отец умер, что ли, во всяком случае, ничего о нем неизвестно.

– А бабки-прабабки? – нетерпеливо прервал его тщедушный тип, жадно сверкнув глазами.

– Прабабки? – Сергей взглянул на него в полном удивлении – шутит он, что ли, кого интересуют чужие прабабки, но перехватил грозный взгляд второго добермана, который переступил с лапы на лапу и тоже тихонько рыкнул.

Какие уж тут шутки.

– Не знаешь, значит, – подытожил человек в кресле, – ох, Сережа, пустой ты человек, ни для чего не годишься, ничего не можешь, ничего не умеешь, ничего не знаешь...

И вроде бы сказал он это не зло, и Сережей назвал, и на «ты», а Сергею стало еще страшнее.

– Она говорила, – заторопился он, мучительно выискивая в голове хоть крупицу сведений, хоть что-то ценное, – говорила, что из какой-то семьи такой, дворянской, что ли. Сейчас многие насчет этого врут, так что я не очень верил.

– А зря, – наставительно произнес его собеседник, – зря не верил. Потому что это правда.

– Зачем тогда спрашиваете, если сами все знаете! – брякнул Сергей и тут же пожалел об этом, потому что теперь оба добермана рявкнули в унисон. И облизнулись, и шагнули к нему еще ближе, так что он почувствовал на себе их дыхание.

– Если бы я все знал, то и тебя бы не выкупил, – человек в кресле сверкнул глазами, хотя голос был по-прежнему спокоен. – Без тебя бы обошелся. Так что говори, говори, если

жить хочешь – было у твоей жены в доме что-то от прабабки? Ну, записи какие-нибудь, фотографии, может, книги...

– Н-нет... никаких фотографий я не видел... ни фотографий, ничего другого...

– А книг ты вообще никогда не читал, – с грустью констатировал человек в кресле, – об этом и спрашивать не буду.

– У нее были сережки! – осенило вдруг Сергея. – Она говорила – старинные, с изумрудами, от прабабки достались, так и передавались от матери к дочери. Фамильная, говорила, вещь.

– Так-так... – оживился тщедушный, и даже руками чуть пошевелил, – и что сережки?

– С виду не очень ценные, изумруды маленькие, а вокруг бриллиантики крошечные совсем. И не поймешь, какой металл, не то серебро, не то еще что, пробы нет...

– Ага, и куда же они делись, эти сережки? – в словах человека в кресле Сергей уловил несомненный интерес.

– Они... их больше нет... – Сергей опустил глаза. – Когда мы разводились, еще до того...

– Так, говори толком, не мямли! – человек рывкнул не хуже своих доберманов, так что Сергей мимолетом удивился, откуда такая сила в таком тщедушном теле.

Но тут же испугался своих мыслей.

– Их забрали эти... люди Николая Николаевича, тогда, два года назад. Ну, когда приходили долг требовать.

– Так, значит, ты отдал единственную ее память от пра-

бабки, семейную вещь, этим отморожкам? Замечательно. И после этого он еще удивляется, что жена его выгнала. Интересный человек! Кто такие, говори быстро!

– Толик Хромой, Вася Беленький и Свищ! – торопливо отбарабанил Сергей, радуясь, что может хоть что-то вспомнить. – Только они теперь на Николая Николаевича больше не работают, там теперь Федя Паук заправляет.

– Разберемся! – посулил человек в кресле.

– А сережки Толик забрал, у него кличка Хромой, потому что фамилия Хромов, – торопился Сергей.

– С тобой пока все, – сказал хозяин оранжереи, – значит, сейчас пойдешь домой и будешь синяки на физиономии лечить. И себя в приличный вид приводить. А то если как сейчас, от тебя и шлюха вокзальная убежит, не то что женщина порядочная. А потом пойдешь к своей бывшей жене мириться. Что хочешь делай – убоитай, в постель уложи, но чтобы она тебе полностью доверяла. И рассказала о своей семье все, что знает. И что не знает тоже.

– Да как же я? Может, она меня не примет!

– А ты уж расстарайся, – жестко сказал человек в кресле, – уж найди к ней подход. Все-таки два года на ней женат был. И моли Бога, чтобы мои люди те сережки отыскали. Вот если ты серьги семейные ей принесешь – тогда она тебя примет. А пока приведи себя в приличный вид – чтобы руки не тряслись и глаза не бегали. Да не вздумай опять играть! Я ведь все равно узнаю, и тогда не думай, что тебя просто

пристрелят там или придушат. Я тебя вон этим отдам, – он кивнул в сторону доберманов, – а они – звери обученные. Знают, как человека на куски порвать, чтобы он до конца в сознании оставался.

В глазах ближайшего добермана появилось мечтательное выражение, очевидно, он кое-что понял в речи хозяина. Ну да, говорят, собаки понимают человеческую речь.

– Ну все, закончили. Пойдемте, мальчики! – тщедушный, но смертельно опасный человек развернул кресло и поехал прочь.

«Мальчики» синхронно гавкнули на прощание и потрусили следом за хозяином.

На горизонте таяли далекие вершины крымских гор. Пароход «Таврида» медленно удалялся от родных берегов, унося в неизвестность последние осколки некогда великой страны. Как Ноев ковчег, он вез на чужбину бок о бок чистых и нечистых – светских дам в шляпках, знавших лучшие времена, бывших сенаторов и камергеров, фабрикантов без фабрик и генералов без армий, монахов-черноризцев – и одесских аферистов, вороватых интендантов врангелевской армии, угрюмых анархистов с пылающими глазами, головорезов из корпуса Шкуро в волчьих папах. Разведя костер прямо на палубе, чеченцы из Дикой дивизии жарили шашлык – а чуть в стороне от них несколько монахов вкушали скромную пищу с видом священнодействия.

Гражданская война подходила к концу, и всем этим людям не нашлось места на бескрайних просторах умирающей империи. Что их ждало впереди? Бог весть...

Возле фальшборта стояла, не сводя взгляда с удаляющихся гор, высокая дама с гордой, царственной осанкой. Чуть поодаль от нее господин в черной паре и черном же котелке вполголоса инструктировал тщедушного типа в клетчатом сюртуке, с торчащими вперед, как у кролика, гнилыми зубами.

– Вон та дама, что стоит у борта. Вещички прошерсти как следует, ну, тебя учить не нужно.

– Само собой, вашеество! – шепелявил кролик. – Не извольте беспокоиться, мы таким делам обучены!

– Ты знаешь, что мне нужно, остальное можешь забрать себе.

– Это уж как водится!

Высокая дама обернулась, окликнула девушку в простом платье, с забранными в тугий узел светлыми волосами, кое-как прикрытыми узорчатым полушалком:

– Дуняша, подай мне, пожалуйста, нюхательную соль!

Девушка встала с сундучка, на котором до того сидела, открыла небольшой кожаный саквояж с монограммой, достала из него тяжелый синий хрустальный флакон с нюхательной солью, шагнула к госпоже, протягивая ей флакон. Дама вытряхнула на ладонь несколько белых кристаллов,

поднесла к лицу.

В это время возле оставленного сундучка возник небритый кривоногий тип в потертом гороховом пальто, воровато огляделся по сторонам. Но на него коршуном налетел господин в клетчатом сюртуке, принялся лупить по спине тростью:

– Ты что, сиволаный, задумал? Ты что себе вообразил? Сейчас я только свистну – и тебя за борт выкинут! Это тебе не у большевиков, тут старые порядки!

Гороховый тип по-бабьи ойкнул и испарился. Дуняша кинулась к сундучку. Клетчатый господин поправил кошачьи усики и проговорил умильным голосом:

– Не извольте беспокоиться, барышня, я за вашими вещичками пригляжу! Тут такие персонажи попадаются – мама не горюй! Так что нужно все время быть на чеку, хе-хе.

– Спасибо вам, сударь, – девушка смущенно улыбнулась, – очень вам благодарна.

– А вы, значит, при той даме состоите? – не унимался клетчатый господин. – Кажется, мне ее личность знакома... Это не первой гильдии купчиха Сазонова?

– Нет, сударь, вы обознались.

– Что ж, это бывает, чтобы обознаться, хе-хе. А вас как же зовут, барышня?

– Евдокия.

– А по батюшке?

– Степановна.

– Очень приятно, Евдокия Степановна. А я буду Шнурков... Никодим Тимофеевич Шнурков.

– Очень приятно, господин Шнурков...

Впрочем, Дуняше вовсе не нравилось новое знакомство, не нравилась назойливость клетчатого господина, не нравились его пошлые манеры, его слащавая, галантерейная интонация, его наглые кошацьи усики и торчащие вперед кривые зубы. Она чувствовала исходящую от него неясную угрозу, но не могла его отшить после случившегося. Господин же Шнурков вовсе не собирался уходить, он желал укреплять завязавшееся знакомство.

– У вашей госпожи нет каюты? – Он озабоченно наморщил низкий лоб.

– Какая уж тут каюта! – вздохнула Дуняша. – Спасибо, на корабль попали...

– Такая дама не может находиться на палубе! Сейчас мы что-нибудь придумаем...

Наконец он исчез.

Дуняша вздохнула с облегчением, не рассчитывая более увидеть назойливого господина, она сочла, что пустой разговор о каюте – всего лишь приличный повод для исчезновения. Какие уж каюты на битком набитом пароходе...

Тем не менее прошло не более получаса, как клетчатый господин снова появился возле Дуняши, глаза его радостно сверкали, усики топорщились.

– Зовите вашу госпожу! – проговорил он радостно. – Есть для нее каюта!

Дуняша взглянула на господина Шнуркова недоверчиво, однако позвала хозяйку.

Клетчатый благодетель уже схватил сундучок, взвалил его на плечо и шел по палубе, расталкивая встречных. Дуняша, все еще чувствуя недоверие к новому знакомцу, держалась к нему как можно ближе, не спуская глаз с хозяйского сундука.

Наконец Шнурков остановился перед железной дверью в палубной надстройке, постучал в нее условным стуком. Дверь открылась со страшным скрежетом, на пороге возник сутулый кривоногий матрос с единственным черным глазом. Второй глаз был закрыт черной пиратской повязкой.

– Вот, значит, эти дамы! – сообщил ему Шнурков с некоторой нервной суетливостью. – Значит, все как договорились... все как условились, хе-хе...

Матрос мрачно взглянул на женицин, кивнул и отошел прочь, утратив к ним всяческий интерес. Шнурков втащил внутрь сундук, поставил его на пол и позвал женицин:

– Извольте располагаться!

За дверью обнаружилась не каюта первого класса, конечно, однако вполне сносный чулан, в котором имелись две узенькие койки и откидной столик.

– Благодарю вас, молодой человек! – проговорила высокая

дама и повернулась к Дуняше: – Голубушка, рассчитайся с ним!

– Это мне даже обидно! – отозвался Шнурков. – Я только хотел сделать вам свое уважение, а никаких денег мне совсем от вас не нужно! Располагайтесь и будьте как дома!

– Что ж, – Дуняшина хозяйка легко примирилась с великодушием нового знакомого. – Я вам весьма благодарна... А нельзя ли раздобыть еще чаю? Я бы выпила чашечку...

– Сию минуточку-с! – Шнурков исчез, чтобы вскоре появиться с чайником и двумя кружками тяжелого морского фарфора. На локте у него висела небольшая вязка баранок.

– Простите, посуда тут не очень, – извинился он, поставив все принесенное на откидной столик.

– Это не важно! – Анастасия Николаевна улыбнулась страдальческой улыбкой, прикоснулась двумя пальцами к виску.

– Располагайтесь! – повторил господин Шнурков и деликатно покинул каюту.

Едва дверь закрылась за ним, Анастасия Николаевна вздохнула, подняв глаза к потолку:

– Слава создателю, еще не перевелись на свете порядочные люди!

У Дуняши были некоторые сомнения насчет порядочности господина Шнуркова, но она оставила их при себе.

Госпожа выпила свой чай. Дуняша налила немного во вторую кружку, но чай показался ей горьким. Она вообще не

любила чай, так что уступила оставшийся чай Анастасии Николаевне.

– Налей еще рюмку! – Толик Хромов по кличке Хромой мрачно взглянул на бармена, старательно перетиравшего стаканы. Стаканы и без того были чистые.

Тот вопросительно приподнял одну бровь.

– Да отдам я тебе, отдам все! – огрызнулся Толик. – Ты же меня знаешь!

– В том-то и дело, что знаю! – раздумчиво ответил бармен. – Потому-то и сомневаюсь!

– Налей ему! – раздался рядом низкий густой бас, и на стойку легла тяжелая волосатая рука с зажатой в ней купюрой.

Толик оглянулся. Справа от него на высоком табурете сидел здоровенный толстый мужик, до самых глаз заросший густой черной бородой.

Когда-то давно, очень давно, когда Толик был еще ребенком, мать водила его в зоопарк. Там были тигры и львы, жирафы и антилопы, целый павильон самых разных мартышек и еще много всякого зверья. Но самое большое впечатление на Толика произвела огромная обезьяна, которая неподвижно сидела посреди клетки и смотрела на проходящих мимо людей тоскливым и равнодушным взглядом. Обезьяна называлась орангутанг – по крайней мере, так было написано на клетке. Так вот, этот толстый мужик напомнил Толику ту

обезьяну. Правда, орангутанг был рыжий, а этот мужик – черный.

Под влиянием какого-то импульса Толик повернул голову в другую сторону – и захлопал глазами от удивления. Хотя Толик был не из тех людей, кого легко удивить.

Слева от него сидел точно такой же мужик – толстый, страшный, длиннорукий, заросший черной бородой. Толик сперва даже подумал, что у него двоится в глазах, но нет – бородатых мужиков было действительно двое. И то сказать – выпил-то он сейчас всего две рюмки, с чего тут двоиться-то...

Бармен взял из волосатой лапы деньги, налил Толику еще одну рюмку и деликатно отошел.

Толик жадно выпил, прислушался к себе, почувствовал, как спиртное дошло до желудка и разлилось по телу живым теплом, и только потом проговорил, обращаясь к тому мужику, что справа (ведь это он заплатил за его выпивку):

– Чего надо?

– Поговорить.

– Поговорить – это можно, – Толик облизнул пересохшие губы, – только бы сперва еще рюмку...

– Получишь свою рюмку, когда ответишь на наши вопросы! – проговорил тот орангутанг, что справа.

– Какие еще вопросы?

Толик почувствовал, что от этих двоих орангутангов исходит чувство серьезной опасности. Опасность буквально

струилась от них, как жар от раскаленной печи. Толику захотелось сбежать от них как можно быстрее и как можно дальше... но вряд ли они его отпустят. Вон какие здоровые...

С другой стороны, Толику ужасно хотелось выпить, а они обещали ему дармовую выпивку...

– Ну, какие еще вопросы? – повторил Толик.

Один из громил – тот, что слева – придвинулся ближе к Толику, навис над ним тяжелой тушей и проговорил в самое ухо, так что Толик почувствовал его жаркое дыхание:

– Два года назад Николай Николаевич послал тебя с двумя парнями тряхнуть одного должника.

– Два го-ода!.. – протянул Толик. – Это ж как давно было... думаешь, я помню...

Два года назад он был совсем другим человеком. Его уважали и ценили большие люди. Ему доверяли серьезные дела. Он был старшим группы у самого Николая Николаевича. И он не пил... ну, то есть почти не пил. Разве что пару рюмок в день.

С тех пор жизнь удивительным образом изменилась. От его тройки, считай, никого не осталось. Вася Беленький зарезал парня, который толкнул его и обозвал обидным словом в туалете. Дело происходило в баре, парень был незнакомый, зашел в тот бар случайно. А оказалось, что он сын какого-то влиятельного типа, какой-то шишки, так что Васю мигом замели менты, а после заперли в психушку для особо опасных, где он и сгинул.

Впрочем, от Васи всегда пахло безумием, чего стоили одни его пустые страшные глаза, по любому поводу наливавшиеся белесой непроглядной мутью! Правда, в этом были свои плюсы – Вася мог напугать кого угодно, хоть неаккуратного должника, хоть бойцов конкурирующей фирмы.

Второго в его тройке – Свища – случайно убили на стрельке с людьми Крапленого. Свищ не вовремя полез в карман за сигаретами, а кто-то из парней Крапленого психанул и выстрелил. В результате все чуть не поубивали друг друга...

Так что от той тройки остался только сам Толик, да и то – он был не тот, что прежде, и ничего серьезного ему давно уже не поручали. Да и вообще, честно признаться, ничего не поручали. Он перебивался случайными заработками или кланчил на выпивку у тех, кто помнил его по прежним временам...

В последнее время давали все реже.

– Это ж как давно было... – повторил Толик. – Думаешь, я помню всех, у кого выбивал долги?..

– Всех и не надо, – отозвался орангутанг (тот, что слева), – ты вспомни только одного, вот этого! – и он сунул под нос Толику мятую фотографию какого-то мужика.

– И ты уж постарайся! – добавил второй (тот, что справа) и ударил Толика в бок. Вроде бы и не сильно ударил – но боль пронзила все тело Толика.

И, что удивительно, эта боль действительно освежила его память. Он вспомнил мужика с фотографии, вспомнил тот

день, когда они втроем пришли к нему домой. Мужик был хлипкий и нестоящий, тряпка, пустое место, он что-то жалко лепетал и умолял пощадить его.

Тут же была его баба – жена, что ли. С виду ничего особенного, но что-то в ней было – глаза, что ли, взгляд такой...

Толик тогда еще подумал, что дрянному мужичонке досталась хорошая баба – не стоит он ее. А Вася Беленький, как это с ним часто бывало, озверел, глаза его побелели, он выхватил свой нож и полоснул женщину по шее. Толик тогда с трудом смог его утихомирить – им совершенно ни к чему был труп, с ним пришлось бы возиться, и Николай Николаевич был бы страшно недоволен...

– Вижу – вспомнил! – прохрипел левый орангутанг.

– Ну, допустим, вспомнил...

Он и правда отчетливо вспомнил тот день, вспомнил, как тот мужик трясся от страха, как он пихал им в руки какую-то ничего не стоящую дрянь, пытаясь откупиться. Толик брезгливо перебрал это барахло и сунул в карман сережки – не бог весть что, но все-таки камушки яркие, зелененькие, сразу видно, что не стекляшки. А он как раз накануне поссорился со своей подружкой, Кристиной, и она выставила его за дверь, так что подарок не помешал бы...

– Вижу – вспомнил! – повторил орангутанг. – Вот насчет этих самых сережек расскажи подробнее!

«Что он, мысли мои читает, что ли? – испугался Толик. – Я сам-то уже все забыл, вот только сейчас начал вспоми-

нать... Как он мог об этом узнать?»

Вечером того же дня он завалился к Кристинке и протянул ей злополучные сережки.

Но Кристинка была явно разочарована, или просто еще не хотела мириться. Она посмотрела на сережки с презрением и бросила их на пол: «Что ты за дрянь мне притащил? Да я такое барахло в жизни не надену! Да меня подружки на смех поднимут! Старье какое-то, и не золото даже, а не понять что! Вот Каринке Вован подарил серьги – так это действительно серьги, столько золота, что уши до плеч оттянуло! Забирай свою дрянь и проваливай!»

И Толик ушел, напоследок подобрав сережки – не пропадать же добру... Жалко ему стало красивую вещь.

С Кристинкой у него с тех пор так и разладилось, но Толик не больно жалел – мерзкая баба, жадная до невозможности, голос опять же, как дверь несмазанная скрипит.

– И куда ты их девал? – прохрипел орангутанг.

Оказывается, Толик вслух проговаривал свои воспоминания... ох, не доведет его эта привычка до добра! Рот нужно держать на замке! Сколько раз ему об этом говорили...

– Куда ты девал те сережки? – повторил орангутанг, и в его голосе прозвучала нешуточная угроза.

– Да куда дел? – пробормотал Толик. – Известно куда, Вазелину отнес, перекупщику. Да он мне и заплатил-то за них всего ничего. Я уже не помню, но точно гроши...

Орангутанг еще раз встряхнул Толика – видимо, для про-

филактики, так что зубы у того громко клацнули – и, переглянувшись с напарником, слез с табурета.

– Живи пока!

– Эй, мужики, а вы мне выпить обещали! – расхрабрился Толик, почувствовав, что опасность миновала и эти двое ему больше ничего не сделают.

– Пить вредно! – процедил орангутанг, но все же бросил на стойку деньги и мигнул бармену – налей страдальцу!

На двери обычной хрущевской пятиэтажки висела кое-как намалеванная от руки вывеска:

«Срочный ремонт ключей».

Около этой двери остановились два весьма колоритных человека – огромные, толстые, мрачные, до самых глаз заросшие густыми черными бородами, с длинными, мощными, свисающими чуть не до колен волосатыми руками.

– Здесь? – уточнил один из бородачей.

– Здесь! – подтвердил второй и толкнул дверь.

Справа от двери начиналась лестница к жилым квартирам, слева имелась еще одна дверь, на которой висела такая же, как снаружи, вывеска – «Срочный ремонт ключей».

За этой дверью обнаружилось небольшое помещение без окон, большая часть которой была отделена от входа откидным прилавком. За этим прилавком на низком табурете сидел пожилой человек с густыми кустистыми бровями, в синем рабочем халате. За спиной у него на гвоздиках висело

множество ключей самого разного вида, а также болванок и заготовок для ключей.

Бородачи подошли к прилавку и остановились, пристально разглядывая хозяина.

Пожилой человек поднял на вошедших пронзительные глаза цвета заржавленного металла и проговорил:

– Вам, ребятки, ключи нужно починить? Если нужно – давайте поскорее, а то я уже закрываться хочу. У меня, ребятки, рабочий день уже кончается.

– Ключи? – переспросил один из бородачей. – Нет, нам не ключи нужны.

– А ничего другого у меня нет! – припечатал хозяин. – Так что попрошу на выход...

– Не торопись, дядя! – отозвался второй бородач, тяжело облокотившись на прилавок. – Нам с тобой поговорить нужно. У нас серьезный разговор...

– Об чем это вы хотите говорить? – засуетился хозяин. – У меня на разговоры времени нет...

Тут же, не меняя интонации, он проговорил, как бы ни к кому не обращаясь:

– Пришли тут какие-то... видишь ли, поговорить им охота... разговор у них...

Тут же стена с ключами отодвинулась в сторону, и из-за нее появился огромный детина в пятнистом комбинезоне, с низким лбом и приплюснутым носом.

– Это кто тут тебе мешает, дядя? – спросил он высоким,

почти детским голосом. — Эти, что ли?

— Эти, Тимоша! — поддакнул хозяин.

Тимоша набычился, шагнул к прилавку. В руке у него обнаружилась тяжелая монтировка.

— А ну, валите отсюда!

В то же мгновение хозяин мастерской ловко вытащил откуда-то из складок своего халата большой черный револьвер и проговорил, обращаясь к незванным гостям:

— Слышали, что вам мой племянник сказал? Имейте в виду, повторять он не будет...

В ту же секунду произошли некоторые неожиданные события. Один из бородачей с необыкновенной для его комплекции ловкостью перемахнул через прилавок, схватил Тимошу за шею и оттеснил его к стене. Тимоша взревел, как раненый медведь, высвободил руку с монтировкой и занес было ее для удара. Но бородач ткнул его куда-то в бок, и Тимоша беззвучно осел на пол.

Тем временем второй бородач тоже перебрался через прилавок, молниеносным ударом выбил из руки хозяина пистолет и заломил его руку за спину.

— Что же вы творите, паршивцы? — обиженным, но вовсе не испуганным голосом проговорил хозяин. — Вы что же беспредельничаете? Меня обижать нельзя, это для здоровья вредно. Я вас где угодно достану... а за Тимошу я вам отдельно заплачу!

— Не бойся, Вазелин, ничего твоему племяннику не сдела-

ется! – примирительно ответил бородач. – Полежит немного и оклемается. И тебе мы ничего не сделаем...

– А я и не боюсь! – раздраженно огрызнулся старик. – Я уже давно никого не боюсь! Это вам меня бояться надо! Вы мое имя знаете, значит, знаете, что связываться со мной опасно!

– Не кипятись, Вазелин! Мы же сказали, что хотим с тобой поговорить, а ты сразу в бутылку полез...

– Об чем же это вы говорить хотите?

– Ты два года назад сережки одни принял... простенькие такие... так вот, нам желательно знать, куда ты эти сережки сплавил, и где они сейчас находятся.

– Два года наза-ад! – протянул старик. – Да где ж мне такую давность упомянуть? Я же за эти два года столько всякого рыжья принял – мама не горюй!

– А ты постарайся, дядя! – мягко проговорил бородач. – А то, при всем уважении, мы у тебя здесь такое устроим – за месяц не приберешься! И племяннику твоему пару костей переломаем, придется ему на костылях передвигаться... или, может, без переломов обойдемся – прижжем его утюгом...

– Откуда же вы вылезли, такие отморозки? – сокрушенно вздохнул хозяин.

– А это, дядя, не твоего ума дело! Ты лучше вспомни насчет сережек, и мы отсюда уйдем без скандала.

– Да что же за сережки-то?

– Тебе их Толик Хромой принес, он тогда на Николая Николаевича работал. Не припоминаешь?

– Ах, Толик... – старик задумался. – Было дело... а если я вспомню – вы нас с Тимошей оставите в покое?

– Оставим, оставим! – кивнул бородач. – Ты ведь старичок ядовитый, с тобой попусту ссориться ни к чему.

– Ну, хорошо... принес мне Толик те сережки. Очень просил купить – видно, деньги нужны были. А сережки... с виду-то они ничего из себя не представляли – простенькие да скромненькие, золота в них немного, и то белое, так что незнающий человек и за серебро его принять может. Да только у меня глаз наметанный, я всякого на своем веку повидал, сразу признал хорошую работу, еще дореволюционную. А на такие вещи покупатель всегда найдется. В общем, заплатил я этому Толику малую толику денег и отпустил его с миром...

– А сережки?

– А сережки продал одному любителю. Как я и думал, он их как увидел – глаза загорелись, сразу купил, не торгуясь.

– Что за любитель?

– Ну, ребятаки... – затянул старик. – Разве ж можно своих покупателей сдавать таким, как вы? Вы же его зароете, а он мне живой нужен! Я ему часто товар сбываю...

– Ничего мы ему не сделаем! – отмахнулся бородач. – Поговорим только, как с тобой поговорили!

– Знаю я ваши разговоры... – вздохнул хозяин. – То с утюгом, то с паяльником...

– Ладно, дядя, кончай kota за хвост тянуть! Выкладывай, что за покупатель, как его найти – или мы и правда очень рассердимся! А тебе, дядя, это надо?

– Ох, какие крутые! – старик сверкнул глазами. – Ладно... звать его Иннокентий Михайлович, а найдете вы его в скверике возле Екатерины Великой...

– В Каткином садике, что ли?

– Во-во, он там по хорошей погоде в шахматы играет!

– Ладно, только смотри, дядя – если ты нас обманул, мы непременно к тебе вернемся, и тогда уж ты так легко не отделаешься! Ты уж нам, дядя, поверь!

– Возвращайтесь, возвращайтесь! – вполголоса проговорил старик, когда дверь его мастерской со скрипом закрылась за незванными гостями. – Я вам к следующему разу такую сердечную встречу подготовлю – мама не горюй!

В самом центре Петербурга, около Александринского театра, стоит памятник императрице Екатерине Великой. Государыня императрица красуется в окружении своих придворных и приближенных, взирая с высоты пьестала на свою былую столицу. Вокруг этого памятника разбит сквер, который в городе называют Каткиным садиком. В этом сквере всегда многолюдно – старички кормят голубей, молодые мамы катают коляски...

Но наиболее интересная часть здешних завсегдатаев – это заядлые шахматисты, которые в теплое время года оккупи-

руют большую часть скамеек, разыгрывая бесконечные сицилийские, византийские и староиндийские партии.

Среди этих шахматистов попадаются люди самого разного возраста, от юных дарований, делающих первые шаги в благородной игре, до любителей, перешагнувших девятый десяток, попадают люди самой разной квалификации – от начинающих до серьезных игроков, имеющих спортивные разряды и почетные звания.

Играют здесь и на интерес, и на деньги, причем иногда на очень большие. Рассказывают, что много лет назад сюда приходил сыграть пару партий на деньги знаменитый шахматист, чемпион, призер и победитель всего на свете, когда ему не хватало денег до зарплаты. Но, вполне возможно, что и врут.

Сейчас шахматная слава Каткиного садика немного потускнела, но все же и сегодня в садике иногда разыгрываются серьезные партии, собирающие десятки зрителей.

В этом-то садике солнечным майским днем появились два совершенно одинаковых человека – огромные, толстые, с густыми черными бородами и длинными волосатыми руками. Они были похожи на больших человекообразных обезьян – горилл или орангутангов. Здесь, в этом уютном сквере, среди молодых мамаш и пожилых шахматистов, эти двое выглядели неуместно, как уголовники на великосветском балу.

Обойдя скверик по периметру и внимательно оглядев шахматистов, орангутанги остановились возле скамьи, где

над шахматной доской склонились респектабельный мужчина на вид лет шестидесяти, с благородной сединой, в сером твидовом пиджаке с жилетом, и подросток, почти ребенок, в коротенькой джинсовой курточке, с круглой, наивной веснушчатой физиономией и растрепанными, давно не стриженными рыжими волосами.

Игра, судя по всему, подходила к концу – на доске оставалось всего несколько фигур. За спинами у игроков стояли несколько болельщиков, вполголоса обсуждавших ситуацию.

Мальчик поправил рыжие вихры и передвинул черного ферзя:

– Вам шах, Иннокентий Михайлович!

– Шах? – Респектабельный господин почесал переносицу и переставил короля. – А мы вот так...

Бородачи подошли ближе, бесцеремонно растолкав болельщиков. Один из них положил руку на плечо респектабельного господина и прохрипел:

– Ты, значит, и есть Иннокентий Михалыч? У нас к тебе разговор имеется!..

– Обождите! – шахматист поморщился, сбросил с плеча волосатую руку. – Не видите, тут такой напряженный момент... Вы мне мешаете сосредоточиться...

Бородачи переглянулись, один из них пожал плечами, они отступили в сторону.

Тем временем подросток снова передвинул ферзя и уве-

ренно проговорил:

– Вам снова шах, а потом и мат... Я извиняюсь, конечно, но партия закончена!

Респектабельный господин тяжело вздохнул и развел руками:

– Что уж тут скажешь!

Болельщики возбужденно заговорили и начали расходиться, обсуждая результаты партии.

Бородачи снова подошли к скамье. Иннокентий Михайлович повернулся к ним и проговорил:

– Вы со мной хотели поговорить? О чем?

Орангутанги сели по обе стороны от шахматиста, один из них пригнулся к нему и вполголоса процедил:

– О сережках мы хотели поговорить.

– О каких еще сережках? – Иннокентий Михайлович недоуменно взглянул на бородача и поднял брови домиком. – Вы, молодые люди, ни с кем меня не перепутали?

– Ни с кем мы тебя не перепутали! Ты примерно два года назад у Вазелина купил старые сережки...

– Какие сережки? Какой вазелин? – поморщился Иннокентий Михайлович. – Точно вы меня с кем-то путаете.

– Ни с кем мы тебя не путаем! – рявкнул бородач. – Ты, дед, лучше не зли меня, не нарывайся на неприятности, а то мы их тебе быстро организуем! У тебя внуки есть?

– Допустим, есть. – Иннокентий Михайлович опустил глаза, и его лицо осунулось и напряглось.

– Так вот, мы твоих внуков найдем и порежем...

– Это вряд ли! – мужчина сверкнул глазами. – Внук у меня – офицер-десантник, сейчас в горячей точке, и не дай вам бог с ним встретиться! И не пытайтесь меня пугать! Я пуганный...

На лице у него заходили желваки.

– Тише, тише, дядя! – вступил в разговор второй бородач. – Зачем горячиться? Не надо горячиться! Мой брат лишнее сказал, не подумал. Давай, дядя, поговорим как взрослые люди. Два года назад ты, дядя, купил у Вазелина – это который ключи делает – старые сережки. Так вот, мы насчет этих сережек интересуемся...

– Ах, который ключи делает! – Иннокентий Михайлович прищурился, внимательно оглядел бородачей. – Ах, вы насчет сережек интересуетесь? Вы просто так интересуетесь – или купить их хотите?

– Ну, может, и купить! – бородач переглянулся со своим двойником. – Отчего же не купить? Так они у тебя, дядя?

– Допустим, у меня. Но только, племяннички, эти сережки дорого стоят, очень дорого, – и Иннокентий Михайлович назвал весьма внушительную сумму.

– Ты, дядя, не многовато ли загнул? – проговорил бородач после небольшой паузы. – Нам Вазелин говорил, что сережки – так себе, барахло, там и золота-то совсем мало! И то непонятно, золото или что другое. И он тебе их не задорого продал. Так что ты, дядя, подумай еще и назови настоящую

цену.

– Вот что, племяннички, вы, наверное, не поняли, с кем имеете дело. Я коллекционер – значит, я знаю настоящую цену и дешевле вам не продам. Сережки эти, может, и скромные, и золота белого в них не так много, но они – с историей...

– С какой еще историей? – недовольно переспросил бородач. – Ты нам, дядя, не заливай!

– Вам объяснять – только время зря тратить, а тот, кто вас послал, наверняка знает, какая у них история, иначе бы он за ними не охотился. А я – коллекционер, у меня, как у всякого коллекционера, есть незыблемые правила. Купить вещь я могу задешево, это уж как повезет, но продать – только за настоящую цену. При таком подходе коллекция сама себя кормит, да и хозяина своего. Я ведь, племяннички, раньше конструктором был, самолеты проектировал, и хорошо зарабатывал, а потом вышел на пенсию... А на пенсию, племяннички, прожить сложно, особенно с моими привычками. Да только зря я вам все это рассказываю, – спохватился Иннокентий Михайлович, – все равно вы не поймете. Как бисер метать перед свиньями...

– Что? – вскинулся второй бородач. – Ты слышал, Ахмет, он нас свиньями обозвал! Да я его сейчас...

– Успокойся, брат! Он ничего такого не имел в виду!

– Короче, – повысил голос Иннокентий Михайлович, – передайте тому, кто вас послал, мои условия. Устраивают –

сделка состоится, не устраивают – вольному воля. Поняли, племяннички?

– Поняли... – мрачно ответил бородач.

– Да, и еще вот что... не пытайтесь украсть эти сережки, или что там вы еще задумали! Они надежно спрятаны, очень надежно, так, что вам в жизни не найти! Поняли?

– Поняли, – повторил бородач. – Ладно, мы еще вернемся. Мы обязательно вернемся...

– Я почти всегда здесь! – И Иннокентий Михайлович принялся расставлять фигуры на доске.

Два бородача вошли в оранжерею.

Инвалид сидел в своем кресле и осторожно рыхлил крошечными грабельками землю под белесым болезненным с виду растением. Доберманы лежали возле его коляски. При появлении бородачей они насторожились, задвигали ушами, один поднялся, другой остался лежать.

– Что, орлы-стервятники, как успехи? – поинтересовался инвалид, не поворачивая головы. – Принесли сережки?

– Пока не принесли, шеф, – ответил один из орангутангов. – Но мы узнали, у кого они. И нашли этого человека.

– И в чем же дело? – Инвалид поморщился. – Почему вы не принесли то, за чем я вас послал?

– Шеф, он хочет денег.

– Денег? – инвалид поднял брови. – Надо же, какой оригинал! И много ли он просит?

Бородач назвал сумму.

Инвалид еще выше поднял брови, уважительно присвистнул. Доберманы от этого свиста забеспокоились. Теперь уже и второй встал и смотрел настороженно, даже тихонько рыкнул. А первый уже показал пугающие клыки.

– Надо же, губа не дура. А что – вы иначе не пробовали? Вы ведь люди взрослые, не мне вас учить. – Инвалид махнул рукой, и доберман рычать перестал, но зато также выставил клыки.

– Он их надежно спрятал. Не знаем где. Так что, если эти сережки вам нужны – придется платить...

– Платить! – передразнил его инвалид. – Конечно, не тебе платить, поэтому ты так легко соглашаешься! Я вам вот что скажу: допустим, он эти сережки хорошо припрятал, но ведь он должен их принести, когда будет продавать? Так вот, вы назначите встречу, придете, сережки у него возьмете, а его самого пошлете подальше. Если будет очень упираться – придадите ему ускорение. Ну, что я вас учу...

– Но он потребует сперва показать деньги...

– Ладно, потребует – покажете! Я вам дам денег, но только на время. Как только сережки будут у вас – деньги отберете! Надеюсь, все понятно? – инвалид оторвался от своего увлекательного занятия и строго взглянул на братьев.

– Понятно, шеф! – бородач заметно повеселел, видимо, план ему понравился.

Доберманы, сообразив, что ситуация разрешилась благо-

получно, убрали клыки и улеглись возле инвалидного кресла.

Через два дня два рослых бородача снова появились в скверике возле памятника великой императрице.

Иннокентий Михайлович сидел на прежней скамье, в прежней позе, только напротив него за шахматной доской вместо подростка расположился грузный мужчина примерно его лет в накинутом на плечи легком бежевом плаще.

Бородачи подошли к скамье. Один из них громко кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание. Иннокентий Михайлович оглянулся, увидел гостей и проговорил:

– А, это вы, племяннички? Подождите немножко, скоро мы доиграем!

Он передвинул ладью и объявил:

– Шах!

Его противник мрачно задумался, наконец, сделал ход. Иннокентий Михайлович снова передвинул ладью и проговорил:

– Снова шах и мат!

Соперник вздохнул, почесал в затылке и произнес:

– Надо же, как ты меня! Ну, давай еще одну партию... хочу отыгаться...

– Подожди, Мишаня, сейчас я с этими господами поговорю – и сыграем еще одну...

С этими словами Иннокентий Михайлович повернулся к

чернобородым:

– Ну что, принесли?

– Принесли, – ответил один из них, понизив голос, и ско-сил глаза на оттопыренный карман своей куртки.

– Покажи! – Иннокентий Михайлович протянул руку.

Бородач недовольно засопел, переглянулся со своим двойником, сунул руку в карман, достал оттуда толстый, плотно набитый конверт и передал его шахматисту. Иннокентий Михайлович приоткрыл конверт, в котором обнаружилась толстая пачка денег, пробежал музыкальными пальцами по корешкам купюр и кивнул:

– Все правильно.

Затем он уверенным жестом спрятал конверт во внутренний карман своего пиджака.

– Эй, дядя, ты куда это деньги положил? – рявкнул бородач.

– Как – куда? Мы договорились, так? Как говорил Карл Маркс, формула деньги – товар – одна из основных формул товарно-денежных отношений...

С этими словами Иннокентий Михайлович достал из другого кармана черную бархатную коробочку и протянул ее чернобородому:

– Вот ваши сережки! И я вас больше не задерживаю, мы с товарищем должны еще одну партию сыграть!

– Партию? – Бородач придвинулся к скамье, наклонился над Иннокентием Михайловичем и тихим, угрожающим го-

лосом проговорил: – Отдай деньги, старый перечник!

– Эй, молодой человек! – подал голос партнер Иннокентия Михайловича. – Вы что себе позволяете? А ну, марш отсюда! Здесь люди культурно отдыхают...

– А ты вообще усохни, старый таракан! – шикнул на него второй бородач. – Тебя пока не трогают – вот и радуйся!

– Да вы вообще что о себе вообразили? – мужчина в плаще начал наливать красным. – Да я вас...

– Сказали тебе – сиди, а то быстро оформим тебе инвалидность! – рявкнул бородач и легонько толкнул шахматиста.

Тот устоял на ногах, но бежевый плащ упал на скамью.

Под плащом обнаружился форменный китель со знаками различия и погонами генерала МВД.

– Это что... это кто... – пролепетал бородач, переглядываясь со своим двойником, и попятился.

– Да я вас... да я вам... да я от вас... – страшным голосом ревел генерал.

От соседних скамей к ним уже поспешали несколько бравых молодых парней в штатском, но с четко просматривающимся под одеждой оружием. Бородачи бросились было наутек, но их тут же окружили, схватили и обездвигили.

– Кто же это у нас? – проговорил генерал, разглядывая пленных. – Да никак это братья Магомедовы? Да они же у нас уже пять лет в розыске! Ну, удачный улов!

– Никакие мы не Магомедовы, – вяло отбивался один из

бородачей. – Зауровы мы...

– Разберемся! – рявкнул генерал, и повернулся к Иннокентию Михайловичу:

– Ну, спасибо тебе, Кеша! Я этих орлов давно искал, если бы не ты, так бы и не нашел!

– Это тебе спасибо, Мишаня! – отмахнулся Иннокентий Михайлович. – Ты мне очень помог!

– А как насчет еще одной партии?

– А тебе разве не нужно с этими разбираться? – старый шахматист кивнул на бородачей.

– Да с ними мои ребята вполне разберутся!

– Ну, тогда ладно, давай еще одну партию!

На следующий день двое бородачей снова вошли в орangerею.

На этот раз вид у них был виноватый и подавленный. И очень помятый, как будто их несколько часов крутили в центрифуге огромной сушильной машины.

Инвалид, как и прежде, сидел в своем кресле перед ящиком с растениями. По бокам кресла лежали два добермана и смотрели на бородачей с явным презрением. Не повернувшись к вошедшим, человек в кресле протянул:

– Хороши! Как вас угораздило так вляпаться?

– Виноваты, шеф! – протянул один из братьев. – Не разглядели, что он генерал!

– Ну, это надо уметь...

– Спасибо, что вытащили нас, шеф... – вяло бормотал бородач.

– Спасибо? – инвалид искоса взглянул на бородачей. – Да я бы из-за вас и пальцем не шевельнул! Я вас только потому вытащил, что у вас были сережки! А ну покажи!

Один из бородачей вынул из кармана черную бархатную коробочку и подал ее инвалиду.

– Что ж, – сказал тот, рассмотрев серьги, – вижу, что вещь действительно приличная, с историей, понимающий человек оценит. Понимаю, как дороги они были жене этого мозгляка, пожалуй, за них она его и простить может... Как он, кстати, поживает? Доставьте-ка его ко мне на инструктаж. Только вымойтесь, что ли, а то дух от вас камерный идет, вон, мальчишки мои недовольны.

Один из «мальчишков» фыркнул и отвернулся, второй сморщил нос в издевательской ухмылке.

Проснулась Настя от холода. В комнате было свежо – ночи в начале июня бывают прохладные. За окном наступал серенький рассвет, а может, это были еще сумерки, опять-таки в июне непонятно.

Настя вспомнила о вчерашнем. Перед глазами встали две жуткие рожи – рыжего и другого, с прилизанными сальными волосами. Она поморщилась и прислушалась к себе.

Голова не болела, только пересохло в горле, потому что всю ночь дышала ртом. Очень осторожно она села и спусти-

ла ноги с кровати. Ничего не случилось, все предметы, видимые с трудом, силуэтами, оставались на своих местах. Дотащившись до кухни, она сто раз пожалела, что начала это предприятие. Нажав кнопку электрического чайника, она плюхнулась на стул.

Сил совсем не было. Наверное, это от голода, поняла она, ведь не ела со вчерашнего обеда. Холодильник был пуст, как зимняя тундра, в магазин она сходить не успела, купила вчера по дороге домой половинку хлеба и полкило сосисок. Все покупки остались в сумке, а сумку забрали эти двое уродов.

При мысли о сосисках, в желудке начались голодные спазмы. Настя нашла в буфете пачку сухарей и немного кускового сахара. Вот и хорошо, вот и хватит ночью-то...

Она подавила в зародыше мысль о том, что вот сейчас, в данном конкретном случае, очень не хватает близкого человека, который был бы рядом, утешил, чаем напоил, укрыл пледом и сказал, что все будет хорошо и нос заживет.

Ага, был уже у нее близкий человек, любимый муж, и что из этого вышло?

Только не жалеть себя, тут же опомнилась она. На такие пустые и глупые занятия женщины их семьи время не тратят, говорила мама. И была, конечно, права, действительно никчемное это занятие – лить слезы и жалеть себя.

Вспомнив Сергея, Настя наконец задала себе вопрос, который вертелся в голове уже давно. А что, собственно, ее бывший муж делал в ее дворе? Шел мимо? Так двор у них

не проходной. Какие у него могли быть тут дела? Да никаких у него знакомых в их дворе не имелось.

Стало быть, напрашивается единственный верный вывод: он шел к ней. Но вот зачем... Неужели хочет вернуться? Через два года? С чего это вдруг?

Настя отпила чаю и попыталась представить себе лицо Сергея, каким она видела его вчера. Как он выглядит? Озабоченный, нервный, снова мечущийся в поисках денег? Или спокойный, уверенный в себе мужчина, каким она встретила его в свое время, кем увлеклась и за которого вышла замуж? Все ли у него хорошо или снова он по уши в огромных неприятностях?

Но перед глазами стояло только его лицо, когда он склонился над ней и беспокоился, что у нее сотрясение мозга.

Тут он и правда за нее боялся. Такое не сыграешь, тем более что актер он никчемный. И все, больше она ровным счетом ничего не помнит, ни как выглядел, ни как был одет. Вроде бы выбрит чисто, но похудел, но точно она не помнит, до того ли было вчера после нападения тех двух уродов.

И вот еще вопрос, откуда они взялись. В своем дворе она их точно никогда не видела. Посторонние хулиганы к ним не заходят, потому что двор не проходной, что им тут делать-то.

Ну, отобрали они у нее сумку, так там, кроме сосисок, и брать-то нечего. Странные какие-то парни, одно слово – уроды... И как кстати появился Сергей, здорово засветил тому, с сальными волосами...

Настя допила чай и сказала себе, что как бы там ни было, что бы ни произошло, два года назад она приняла решение о том, чтобы не только развестись, но вообще выбросить бывшего мужа из своей жизни. И что никогда об этом не пожалела, и что бы ни случилось, решения своего она не изменит.

Был четвертый час утра, рассвет потихоньку набирал силу, небо на востоке чуть розовело, завтра будет хороший день.

Настя поплотнее задернула занавески и снова легла, завернувшись в одеяло.

Однако сон к ней не шел. Против воли нахлынули горькие воспоминания.

Это началось года через полтора после их женитьбы.

Все было прекрасно, они жили очень дружно, даже не ссорились по пустякам. Сергей работал, иногда только ездил в командировки, чтобы отдохнуть, как он шутил, от семейной жизни. Настя знала, что это он просто так говорит, что не бегаёт он по девкам, что расслабляется в чисто мужской компании.

Мама тогда жила уже в Бельгии. Ее бельгиец оказался очень приличным человеком, старше ее и не бедным, но, как водится, в экономной Европе, денег просто так ей не давал, каждую покупку нужно было обосновать и доказать, что в данный момент эта вещь необходима. Через некоторое время маме это надоело, и она устроилась работать костюмером в небольшой театрик.

Шить все женщины их семьи умели очень хорошо, начиная с прапрабабки, возможно, и раньше. Хотя раньше не нужно было, а прапрабабка, оставшись после революции вдовой с маленькой дочкой на руках, уехала из Петербурга в Псков и обшивала там немногочисленную оставшуюся приличную публику, а потом – жен руководящих работников, да и всех подряд.

Настя потому так запомнила, что не раз слышала об этом рассказы бабушки. Бабушка прапрабабку помнила уже пожилой, когда в Ленинграде жили.

В их семье чтили память родственников. По женской линии, конечно. Настя знала еще, что прапрабабка происходила из дворянского рода, и была у нее родная сестра, которая была фрейлиной при царском дворе. Маленькая Настя слушала эти рассказы, как волшебную сказку – «Золушку» или «Спящую красавицу», там были принцессы, короли и фрейлины. И называли ее в честь прапрабабушкиной сестры Анастасией. И даже отчество было у них одинаковое – Николаевна. Но это уж, смеялась мама, простое совпадение.

Итак, мама жила в Бельгии, работала и приезжала в Россию крайне редко, Настя тоже ездила к ней всего пару раз.

И вот как раз тогда, когда мама пригласила ее провести отпуск, все и случилось. Сергей с ней не поехал – сказал, что неудобно обременять и вообще, что ему там делать в этой Бельгии.

Когда же Настя вернулась, то не сразу обнаружила, что с

ее мужем что-то случилось.

Поначалу она отнесла все за счет трехнедельной разлуки, тем более первое время она и не слушала его, а торопилась донести до него свои бельгийские впечатления. Он отреагировал как-то вяло, тогда наконец до нее дошло, что с ним что-то не так. Первая мысль у нее естественно была – переспал с другой бабой, и теперь мучается совестью. И мучительно раздумывает – признаться ли честно и вымолить у нее прощение или же трястись, что та же соседка или подруга выложит все жене, а потом все отрицать.

Настя тоже была не лыком шита и не стала тут же устраивать ему допрос с пристрастием. Сначала требовалось понаблюдать и подумать, чем ей это грозит.

Однако наружное наблюдение, чтение эсэмэсок и почты ничего не дали. Сергей не срывался с места, услышав телефонный звонок, не запирался в ванной и не задерживался на работе.

Но был он какой-то пришибленный и вялый, то есть ничем не походил на счастливого любовника. Настей тоже не слишком интересовался. И все время отводил свой взгляд. Вот никак не могла она заглянуть в его глаза. А когда все же умудрилась, то поняла, что нужно что-то делать. В глазах его была только тоска.

Прошла неделя, и она обратила внимание на долгое отсутствие машины. То есть он встретил ее в аэропорту без машины, пришлось взять такси, он сказал, что машина в ремонте.

И вот уж вторая неделя, а машины нет как нет. И на вопрос, когда же будет, Сергей ответил грубо и ушел из дома, хлопнув дверью.

Сильно разбил машину, поняла Настя. Попал в аварию и разбил машину. Сам вроде целый, ни царапины нет, а вдруг в той машине кто-нибудь пострадал? А что, если... что, если он кого-то сбил? Не дай бог, насмерть!

Какая тут посторонняя баба, все гораздо серьезнее! Тут Настя поняла, что настал момент для решительного разговора.

Что-что, а вызвать мужа на откровенность, да так, чтобы он выболтал все, что и сам давно забыл, любая жена умеет.

Действительность превзошла все ее самые неприятные ожидания. Оказалось, что машину Сергей проиграл. В карты.

Да-да, он пристрастился к серьезной игре. Сначала случайный приятель привел его в незаметный подвальчик на Садовой, там играли в карты, причем абы кого не пускали, только по рекомендации. И охрана случайных людей сразу отсекала.

Сергей пошел из любопытства. И увлекся, проиграл тогда не так много, но ощутимо. Позже он понял, что приятель привел его туда не просто так, а за небольшие, но деньги. Приработок у него был такой.

Через неделю Сергей почувствовал, что ему хочется отыграться, потом его тянуло в тот подвальчик снова и снова.

Он все проигрывал, занимал деньги и наконец поставил на кон машину. Это случилось, когда Настя была в отпуске.

Сейчас он рассказал ей все честно, не щадя себя, он стоял на коленях и просил у нее прощения. Он говорил, что все понял, все прочувствовал, стал другим человеком. Они поговорили долго, потом заснули в объятиях друг друга.

Так прошло время, потом Настя немного успокоилась, они даже стали собираться в отпуск, но не поехали, потому что Сергея не отпустили с работы. Что-то она почувствовала тогда, но он был с ней нежен и даже стал заговаривать о ребенке. Она-то давно хотела, но он все отмахивался – зачем тебе, успеем еще, какие наши годы.

И она окунулась в мечты о маленькой девочке, хотя не стоило этого делать. Но она расслабилась, мечтая о дочке. У нее обязательно будет дочка, такая в их семье генетика, по женской линии только девочки рождаются. И вот, пока она (дура такая!) разглядывала на сайтах ползунки и коляски, Сергей окончательно сорвался.

Она наконец прозрела и поняла, что он снова проиграл большую сумму.

Как оказалось, огромную.

Она ни о чем мужа не спрашивала, к нему невозможно было обратиться, чтобы не нарваться на грубость. Он перестал подходить к телефону, почти перестал спать, вздрагивал от каждого звонка в дверь. Когда Настя впустила женщину из Энергонадзора, которая пришла проверить счетчик, он

обругал ее матом.

И вскоре к ним пришли.

Они перехватили Сергея на улице, видно, терпеливо караулили возле дома. Они ввалились в квартиру с шумом и грохотом – трое страшных здоровых парней, настоящих отмороzków. У Насти от страха заложило уши как ватой, но и так ясно, что речь шла о долгах. Двое схватили Сергея и повалили на пол, и стали бить ногами, а третий в это время держал Настю.

Да ее и не надо было держать, потому что она просто окаменела от страха. Затем, когда самый мелкий из бандитов приставил к ее шее нож, до нее наконец дошло, что все это не жуткий кошмар, что она не проснется в поту и не поймет, что она в собственной постели и все хорошо. Хорошо уже не будет. Никогда. Сейчас она умрет. Вот так, здесь, от руки этого психа с белыми глазами.

Сергей вывернулся, что-то говорил, кричал, бегал по квартире, отдал им все. И серьги. Единственную память, оставшуюся ей от семьи. Мама, уезжая, наказывала беречь. Хотя мама ничего не говорила, она и так знала, что дочка сохранит фамильную вещь. Не сохранила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.